

<https://spektr.press/prognozy-iz-za-pandemii-peresmatrivayutsya-v-hudshuyu-storonu-rukovoditel-ekonomicheskoy-ekspertnoj-gruppy-evsej-gurvich-o-bezrabotice-snizhenii-dohodov-i-o-tom-kogda-stanet-luchshe/>

29 апреля 2020

«Прогнозы из-за пандемии пересматриваются в худшую сторону»

Руководитель экономической экспертной группы Евсей Гурвич о безработице, снижении доходов и о том, когда станет лучше

27.04.2020

Мария Строева

Евсей Гурвич. Фото REUTERS/Sergei Karpukhin/Scanpix/LETA

Росстат прогнозирует снижение реальных доходов россиян в связи с ограничительными мерами из-за коронавируса — основной удар придется на второй квартал года. Цены на продукты растут, рубль неустойчив, число увольнений растет.

Нефтяные цены, от которых в немалой степени зависит российский бюджет, в понедельник 27 апреля продолжили движение вниз — игроки опасаются скорого заполнения хранилищ в связи с рекордным падением спроса.

О том, насколько глубоким будет рецессия российской экономики из-за эпидемии, какой будет безработица, как будет вести себя рубль и когда начнется восстановление, «Спектр» говорил с членом общественного совета при министерстве финансов России Евсеем Гурвичем, руководителем экономической экспертной группы (*независимый аналитический центр, с 1997 года работающий в тесном контакте с российским правительством, в первую очередь, с министерством финансов и министерством экономического развития, входит в рейтинг*

ведущих мировых аналитических центров, ежегодно разрабатываемый Пенсильванским университетом. — прим. «Спектра»).

— **Евсей Томович, насколько глубокой будет, по вашему мнению, нынешняя рецессия? Последние прогнозы — МВФ, Fitch — выглядят устрашающе. При этом я знаю среди экономистов оптимистов, кто считает, что из кризиса мировой экономике удастся выйти довольно быстро.**

— Таких экономистов становится все меньше. И прогнозы мало того, что устрашающие, они еще от месяца к месяцу и даже от недели к неделе становятся все хуже. Каждый следующий прогноз хотя бы на 1–2 процентных пункта хуже предыдущего. По последнему прогнозу МВФ, спад мировой экономики составит 3% ВВП. Это намного больше, чем спад во время так называемой Великой Рецессии 2008–2009 годов — тогда спад мировой экономики, если агрегировать разные страны по паритету покупательной способности, был меньше 2 процентов. Сейчас оценка — три процента, и я боюсь, что еще не вечер, не последнее слово.

В мировой экономике этот спад неравномерно распределен, наиболее пострадает экономике ЕС — там в некоторых странах спад может составить 7, 8, а то и 9 процентов. Китай будет расти, но значительно меньше, чем в предыдущие годы. На самом деле ведь надо отчитывать не от нуля, а от того, что ожидалось до наступления кризиса. И тогда для мировой экономики мы увидим вместо ожидавшегося роста где-то на 3,5% - спад, как минимум, на 3 процента.

— **МВФ дает очень тяжелый прогноз для развивающихся экономик. В том числе, для России.**

— Ну, для России прогнозируется спад выше среднего, хотя и не самый большой. Скажем, для Италии прогноз хуже. Но и для России он серьезный: 5,5% ВВП. Наиболее ожидаемая оценка не только экспертами МВФ, но и другими, это порядка 5–6% спада. Центральный банк России опубликовал свои прогнозы спада, у них — от 4 до 6%. Наша экономическая экспертная группа тоже прогнозирует снижение объемом около 5% ВВП.

Нужно при этом понимать, что ситуация очень неопределенная, многие факторы мы не можем сейчас предвидеть из-за уникального характера кризиса. Всегда мы наблюдали кризисы экономические, а сейчас он имеет медицинские корни, связанные с решениями правительств о введении режима изоляции. И какая будет ситуация с эпидемией после снятия первой волны карантина — трудно предсказать. Но наш базовый сценарий для России — снижение порядка 5–6% ВВП. Это очень серьезно.

— **Какие отрасли пострадают больше всего? Надо ведь учитывать еще и обвал нефтяных цен, а от нефтяных доходов российский бюджет зависит в очень высокой степени.**

— Да, конечно. И нужно различать экономические механизмы, особенно подверженные стрессу, и отрасли. Из отраслей — в первую очередь, уже подверглись серьезному удару авиаперевозки — поскольку ни международное сообщение, ни внутрироссийское не работают. Затем туристическая отрасль и вся развлекательная — там все свернуто, и понятно, что даже если формальные ограничения будут отменены, не сразу все будет разворачиваться.

Далее, конечно, нефтяная отрасль оказалась под ударом. Понятно, что во всем мире упал резко спрос на нефть, поскольку не летают самолеты, гораздо меньше ездят автомобили, почти весь мир находится на карантине — в более чем 180 странах введены карантинные меры — соответственно, нет спроса на нефть, а значит, падают цены. На российскую нефть в какие-то дни цена доходит до 10–15 долл за баррель. В среднем во втором квартале цена может быть

между 15 и 20 долларами за баррель. Хотя до конца мы пока не можем узнать, как глубоко могут нефтяные цены упасть, поскольку часть нефти сейчас отправляется в нефтехранилища, которые скоро переполнятся. В мае они уже точно не смогут больше принимать нефть. Куда деть тогда излишек — совершенно непонятно, придется резать добычу. А кроме того, придется вводить ограничения, связанные с договоренностями ОПЕК+. Соответственно, нефть будет дешевой, а добывать ее будут в России меньше примерно на 15% в год. Поэтому ситуация в отрасли очень тяжелая.

Если говорить о механизмах (экономических), то страдает наш экспорт товаров. Естественно, он потеряет очень много, учитывая, что две трети нашего экспорта — это нефть и газ. Частично это будет компенсироваться сокращением импорта, но только наполовину. Ну, и огромные потери понесет федеральный бюджет, поскольку нефтяные доходы составляли его львиную долю, в отдельные годы это было больше половины. В последние годы поменьше, но все равно это была очень большая часть. Сейчас будут очень серьезные проблемы у бюджетной системы. Хотя, в принципе, и преодолимые.

— Давайте тогда поговорим о возможных путях смягчения этой ситуации. Центробанк понизил ставку рефинансирования — что удешевляет стоимость кредитов как для населения (хотя вряд ли сегодня кто-то рискнет их брать), так и для компаний — а им кредитование сегодня необходимо, чтобы выжить. Какими еще могут быть меры поддержки?

— Да, сегодня во всем мире проводят масштабные антикризисные программы. Особенно в развитых странах. Практически во всех этих странах объем этих программ — не менее 5% ВВП. В США это более 10% ВВП. И практически везде эти меры включают в себя и смягчение денежной политики, и фискальные меры — за счет дополнительных выплат или за счет ослабления налоговой нагрузки.

В России эти меры постепенно усиливают. Первоначально были введены сравнительно слабые меры, потом объявляли дополнительную поддержку, но общее ощущение — пока еще меры поддержки недостаточны для того, чтобы всерьез смягчить эффект кризиса. Меры отчасти повторяют то, что делалось во время предыдущих кризисов. То есть, выделены наиболее пострадавшие отрасли, выделены системообразующие предприятия, которым оказывается поддержка.

Но нужно учитывать, что во время нынешнего кризиса — а он очень специфический — под самый сильный удар попадает малый бизнес. В частности, сейчас малый бизнес должен выплачивать заработную плату сотрудникам, но при этом он не получает доходов от своей деятельности. Есть опасность, что значительная часть малого бизнеса просто не переживет изоляции. В этом случае, если начнут массово закрываться малые предприятия, то резко подскочит безработица.

У нас нет опыта такой кризисной поддержки малого бизнеса. Какие-то меры объявлены — реструктуризация их налоговых платежей и части кредитных обязательств. Но потом оказывается, что при попытках использовать эти права люди натываются на различные ограничения. Поэтому те меры, что объявлены, действуют не в полную силу. Я думаю, что нужны отдельные меры и для поддержки малого и среднего бизнеса, и для поддержки тех людей, которые останутся без работы. Людей, которые останутся без источника дохода. Часть этих людей смогут получать хотя бы пособие по безработице на уровне прожиточного минимума. Но есть еще и самозанятые, индивидуальные предприниматели, которые формально не являются безработными. То есть, целая категория наших граждан нуждается в дополнительной поддержке.

— А есть ли возможность как-то посчитать уже сейчас предполагаемый уровень безработицы в России из-за кризиса?

— Сейчас трудно это сделать, поскольку кризис не имеет прецедентов, и непонятно, как поведет себя бизнес в таких условиях. Отчасти это зависит от того, какая его часть сможет воспользоваться той поддержкой. Пока это трудно прогнозировать.

МВФ, как ни странно, очень оптимистично оценивает ситуацию на рынке труда в России. То есть, если для США прогнозируется повышение уровня безработицы до примерно 10% по сравнению с 3,5% до кризиса, то для России прогнозируется повышение уровня безработицы менее чем на 1 процент — с четырех с небольшим процентов до менее, чем пяти. Но я думаю, что это скорее отражает оптимизм. Я думаю, что скорее всего безработица действительно будет не экстремальной, не 10%. Но будет достаточно значимой, то есть, может дойти до цифр порядка 7%. Что, если говорить не о цифрах, а о живых людях, достаточно ощутимо, достаточно болезненно.

— Вы поддерживаете идею прямых денежных выплат, в том числе, для поддержания малого бизнеса?

— Нет, если говорить о популярной и во многих странах, и среди многих наших экономистов идеи просто и безусловно раздать всем гражданам некоторую достаточно ощутимую сумму денег, которая помогла бы им пережить тяжелые времена и в то же время поддержала бы спрос, который сокращается из-за падения цен на нефть и других причин, то мне эта мера в наших условиях ограниченных финансовых ресурсов у правительства кажется не самой эффективной.

Поскольку это означает, что получают эти деньги и те, кто действительно нуждается, кто потерял свои доходы, и те, кто сохранил свои доходы и у кого они были не самыми маленькими. В таких условиях если мы «каждой сестре по серьге» раздаем, то эти сережки оказываются маленькими. Получится, что обеспеченным людям это не нужно, а для необеспеченных — это слишком мало.

Я бы поддерживал, наоборот, более адресную помощь. То есть, более весомую тем, кто действительно в ней нуждается.

— Как быстро, по вашему мнению, может начаться рост после того, как будет снят карантин? Сейчас есть два лагеря: оптимистов, которые считают, что после снятия ограничений все очень быстро отрастет и расцветет, и пессимистов, которые считают, что люди еще долго будут бояться активничать, а значит, деньги в экономику не пойдут.

— Да, действительно, ожидания неоднозначны. Большинство прогнозов строится на том, что карантин в основном кончится во втором квартале 2020 и после этого уже начнется восстановление экономики. Но опять таки, так же, как пересматриваются прогнозы экономического падения в худшую сторону, так же пересматриваются и сроки восстановления — и тоже в худшую сторону. Если еще две недели назад большинство аналитиков считали, что уже к концу этого года или, по крайней мере, в первом полугодии следующего экономика вернется в основном на докризисный уровень, то сейчас уже такие ожидания у меньшинства.

Сейчас оптимисты — это те, кто считает, что восстановление экономики займет этот и весь следующий год. Пессимисты считают, что не раньше 2022 года восстановится экономика

мировая. И то же самое относится к российской экономике. Считается, что в 2021 году будет частичное восстановление. Некоторые предсказывают, что наполовину, оптимисты — что на 2/3 восстановится спад нынешнего года. Но все-таки большинство предсказывает не раньше 2022 года возвращение к докризисному уровню. А когда мы выйдем на ту траекторию роста, которая ожидалась до кризиса — вообще трудно говорить.

Напомню, что, согласно официальному докризисному прогнозу правительства, в этом году рост экономики должен был составить 1,7%, а дальше должен был начаться рост с темпами более 3% в год. Мы должны были уже достаточно динамично расти, начиная со следующего года. Теперь нам предстоит говорить о восстановлении, а выход на эту ранее планировавшуюся траекторию роста займет очень много времени.

— *Евсей Томович, а что, по вашему мнению, будет с рублем?*

— Во-первых, как всегда, это во многом будет зависеть от цен на нефть. А наше бюджетное правило было составлено таким образом, чтобы отчасти защитить не только бюджет, но и валютный рынок от колебаний цен на нефть. Отчасти это действительно удалось, но это относится только к колебаниям выше базовой цены, которая в этом году округленно составляет 43 доллара за баррель. При падении цен ниже этого уровня опять становится очень высокой чувствительность рубля к цене на нефть.

А поддержка валюты должна происходить автоматически после того, как будет проводиться замещение потерянных нефтегазовых доходов через Фонд национального благосостояния — эти средства хранятся в иностранной валюте, ЦБ будет продавать валюту на рынке и вырученные рубли пойдут в бюджет, а валюта, вышедшая на рынок, будет компенсировать отчасти потерянные экспортные доходы.

И сейчас наиболее популярный прогноз цен на нефть на этот год — 33–35 долл за баррель Brent, 30 долларов за баррель нефти URALS. По нашим оценкам, при таких ценах на нефть доллар будет стоить в среднем 75 рублей — это как раз то, что мы сейчас наблюдаем. Если цены на нефть в среднем по году упадут до 20 долларов за баррель, рубль ослабеет, по нашим оценкам, примерно до 83 рублей за доллар. Мы не ожидаем каких-то экстремальных значений, о которых иногда говорят.